

Политические процессы и практики

МЕРКУЛОВ Павел Александрович — д.и.н., доцент; заведующий кафедрой политологии и государственной политики Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (302028, Россия, г. Орел, б-р Победы, 5а; oo@orel.ranepa.ru)

ДОРОФЕЕВ Аркадий Валентинович — аспирант кафедры политологии и государственной политики Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (302028, Россия, г. Орел, б-р Победы, 5а; politgmi@mail.ru)

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА: ПРОТИВОРЕЧИЯ И ЭТАТИСТСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается демократия как форма общественного развития и способ организации взаимодействия общества с государственными структурами в сфере управления. Авторы, делая экскурс в историю, выделяют несколько этапов демократизации и приходят к выводу о кризисе либеральной демократии в современном мире. Отдельное внимание авторы уделяют методологическим подходам к пониманию современной демократии, утверждая необходимость выработки синтетической методологии научного анализа рассматриваемой проблематики. Особо авторы подчеркивают объективность этатистских тенденций в условиях кризиса демократии. Ключевым выводом авторов является тезис о том, что этатизация общественного развития является важным политическим инструментом самосохранения общества.

Ключевые слова: демократия, этатизм, государство, общество, общественно-политические трансформации, реформирование, политические институты, гражданское общество

В современном мире этатизация общественных процессов является одной из очевиднейших тенденций в построении отношений между государством и обществом, в т.ч. и в демократически развитых странах [Меркулов 2015: 253-264].

Демократические формы общественного развития известны давно. В античном мире они длительное время чередовались с различными формами монархии (тирании, деспотии). В средневековой Европе также существовали города-государства с выраженной демократической константой в управлении (Венеция, Женева, Генуя, Новгород). В Новое время, в период борьбы с абсолютизмом в более конкретной форме возник вопрос о политической организации демократии для крупных национальных государств. Демократия стала связываться только с республиканской формой правления — возникает концепция представительной демократии.

В современной политической науке различают две основные концепции демократии и две ее основные формы: прямая (идентитарная, непосредственная) и представительная (репрезентативная) демократия. Существуют также модернизированные концепции демократии: плебисцитарная демократия, консенсусная демократия, или демократия согласования, демократия участия.

Идеальная модель (прямая демократия) исходит из идентичности правителей и управляемых, предполагает постоянное участие всех граждан в разработке решений. Различий между государством и обществом не существует. Ликвидация господства предполагает ликвидацию государства вообще. Демократия здесь постулируется как общественный принцип и не ограничивается, как в концепции репрезентативной демократии, только политической сферой.

Эволюция представительной демократии в Европе была подготовлена периодом Реформации, эпохой гуманизма и Просвещения, когда шло развитие либеральной идеологии и формировалась сама теория представительной демократии. Наконец, возникновение представительной демократии связано с разрушением сословий, становлением гражданского общества, т.к. она требует определенного

уровня развития общества, его политической и правовой культуры, развития многопартийности, признания политических прав и свобод граждан. Формирование представительной демократии шло разными путями в разных странах и имело свои особенности, но повсеместно ее базовыми принципами стали суверенитет народа, представительство, верховенство закона, разделение властей, политический, экономический и идейный плюрализм, гласность. Благодаря принципу представительства данная форма организации демократии становится приемлемой для больших государств. Именно поэтому большинство теоретиков и рассматривают представительную демократию как наиболее оптимальную форму организации власти.

Многообразные процессы общественно-политических трансформаций, происходящих в разных регионах мира и объединяемых как самими попытками перехода от недемократических форм правления к более демократическим, так и некоторыми общими факторами и обстоятельствами, обозначается понятием «глобальная демократическая волна» [Хантингтон 2003: 45; Карл, Шмиттер 2004: 7-8]. Согласно признанной, почти что классической точке зрения Хантингтона, распространение принципов и процедур демократии в ее современном понимании началось в США в начале XIX в. и длилось до окончания Первой мировой войны, в которую президент В. Вильсон вступил с обещанием сделать мир «безопасным для демократии». Затем последовала «волновая» антидемократическая реакция.

Вторая волна демократизации началась с победы над национал-социализмом во Второй мировой войне, восстановления основ демократии побежденных Германии, Италии, Японии, демократизации Австрии, распространения демократических институтов на ряд развивающихся стран в результате их деколонизации. Эта вторая волна продержалась примерно до середины 60-х гг., после чего наступил ее спад, вновь характеризовавшийся ретроактивным возникновением авторитарных режимов (Греция, Филиппины, Южная Корея, Нигерия и др.).

Нынешняя волна демократизации – третья в мировой политической истории [Хантингтон 2003: 45], а по некоторым подсчетам – даже четвертая [Карл, Шмиттер 2004: 7-8]. Ее начало датируется 1974 г., когда в Португалии пала диктатура Салазара. Затем эта волна распространилась на другие оставшиеся диктатуры в Южной Европе – Испанию и Грецию и далее – на Латинскую Америку. К середине 80-х гг. она достигла некоторых странах Азии, а со второй половины 80-х захватила и коммунистический мир – страны Центральной и Восточной Европы и СССР. В 1991 г. произошло крушение советской системы и самого СССР с образованием 15 новых независимых государств, провозгласивших себя «новыми демократиями». Следы влияния этой глобальной волны демократизации обнаруживаются и в ряде африканских стран. По данным американской «Фридом Хаус», специально занимающейся отслеживанием достигнутых уровней свободы и демократии по всем странам, если в 1972 г. на всем земном шаре насчитывалось 42 государства, соответствующих принятым этой организацией критериям (разумеется, тоже весьма условным), то к 1994 г. их было уже 72.

Вторая половина 80-х – начало 90-х гг. ознаменовались крахом авторитарных и тоталитарных режимов в большинстве стран командно-административного социализма. Эти страны глубоко отличались от любых других государств, когда-либо переходивших к демократии, прежде всего сочетанием в большинстве из них индустриального уровня развития, достаточно высокой образованности населения, авторитарной власти и политической культуры с ярко выраженными тоталитарными проявлениями, массового распространения социалистической идеологии. Последняя включала, наряду с утопическими идеалами, близкие к демократическому мировоззрению установки на равноправие, социальную

справедливость, распределение доходов по труду, солидарность и гуманизм. Сам процесс демократизации постсоциалистических государств начался в результате постепенной либерализации политического сознания правящей элиты и ослабления коммунистических партий. Этот процесс проходил под воздействием новой фазы взаимодействия с Западом. Это, а также унаследованное от марксизма доктринерство, вера в единственно верную теорию или модель преобразований привели в политике большинства постсоциалистических государств к ослаблению центризма и здравого смысла, к либеральной радикализации элит, ориентации их на западные модели либеральной демократизации. Такая радикализация препятствовала нахождению оптимального, «среднего» пути преобразований, внимательно учитывающего как мировой опыт, так и конкретные условия собственных государств [Карл, Шмиттер 2004: 7-8]. Таким образом, в государствах, вступивших на путь реформ, достаточно четко наметились два главных пути общественных и политических преобразований. Первый из них (путь либерализации) предполагал быструю политическую и экономическую либерализацию по западному образцу, так называемую шоковую терапию. По этому пути пошли практически все восточноевропейские страны, в т.ч. Россия. В тех странах, которые были ближе к Западу по своей политической культуре, экономическим укладам и т.д., демократизация и трансформация общества пошли более или менее успешно, хотя сопровождалась падением производства и рядом других серьезных негативных явлений. В государствах, не имеющих характерных для Запада многолетних традиций рыночной экономики и индивидуалистической культуры, попытка реализовать либеральную модель демократизации и реформирования экономики привела к тяжелым, разрушительным последствиям: распаду устоявшихся управленческих структур, политической и экономической анархии, а нередко – к военным конфликтам, резкому спаду производства, росту преступности, падению уровня жизни подавляющего большинства населения. Особенно губительные последствия принятие либеральной модели демократизации и реформирования имело для СССР. Советское общество глубоко отличалось не только от западных демократий, но и от стран Восточной Европы. Прежде всего, отсутствием всяких элементов рынка (кроме «черного», криминального) и институционализированного гражданского общества; почти тотальной милитаризацией, суперцентрализацией и сверхмонополизацией экономики, ее неприспособленностью к какой-либо конкуренции; укорененностью в народном сознании коллективистских ценностей и слабостью либеральной, индивидуалистической культуры; полиэтничным составом населения и наличием многочисленных непрявленных конфликтов; отсутствием массовых демократических движений типа Народного фронта или польской «Солидарности», способных сформировать альтернативную официальной номенклатуре политическую элиту, и т.д. Эти и многие другие особенности СССР обусловили неэффективность либеральной модели демократизации и реформирования. Ликвидация важнейшего института фактической политической власти – КПСС, самоустранение государства от интеграционных и организационно-контрольных функций, отсутствие общественного гражданского контроля привели к распаду государственности, тотальной монополизации и криминализации экономики, номенклатурно-криминальной приватизации государственной собственности, подрыву мотивации производительного труда, резкому росту цен и падению уровня жизни населения. Все означенные неудачи постперестроечного реформирования сильно скомпрометировали в массовом сознании идеи демократии и либеральных ценностей.

Тем не менее в некоторых коммунистических странах, прежде всего в Китае, была выработана собственная модель (китайская модель реформирования)

модернизации и реформирования тоталитарных политических структур и всего общества, получившая название политики «нового авторитаризма». Суть этой модели состоит в сохранении сильной власти центра и ее активном использовании для поддержания политической стабильности и проведения радикальных экономических реформ, предусматривающих развитие рыночной экономики, открытой для внешнего мира. Китайская модель уже показала свою экономическую и социальную эффективность, обеспечив этой стране самые высокие на сегодняшний день темпы экономического роста, а также непрерывное повышение благосостояния населения при сохранении общественного порядка и личной безопасности граждан. Хотя такая модель непосредственно не вводит политические институты западного образца, но фактически создает многие предпосылки демократии, а также расширяет личные права граждан, освобождает их от тоталитарного контроля [Пугачев 1994: 10]. Явные социально-экономические преимущества политики «нового авторитаризма» связаны с использованием административной системы, имеющей как слабые, так и сильные стороны. Поэтому оптимальная модель политического и хозяйственного реформирования может быть найдена лишь на пути внимательного учета собственной (в т.ч. цивилизационной) специфики, а также мирового опыта в рамках проведения активной и реалистичной государственной политики с целью построения более динамичного и гуманного общества.

Необходимо отметить, что от предшествующих демократических волн современную отличают некоторые особенности, и прежде всего гораздо более широкий, почти глобальный масштаб – вне ее влияния остались, по сути дела, лишь мусульманские страны и ряд коммунистических, включая КНДР.

Нынешние переходы от авторитаризма к демократии, в отличие от демократизаций, начавшихся после Второй мировой войны и длившихся вплоть до второй половины 60-х гг., возникли не в связи и не в результате военного поражения каких-либо авторитарных режимов (если, конечно, вынести за скобки вопрос о поражении СССР в «холодной войне»). Они в целом происходят в ином международном контексте, когда демократия стала своего рода «знаменем времени». Другой вопрос, что это «знамя» отдельные страны готовы поднимать для развязывания новых войн с целью утверждения собственной геополитической гегемонии.

Наконец, исходные характеристики современных трансформирующихся общественных систем и политических режимов также существенны. И, быть может, самое главное: эти демократические переходы в большинстве случаев не позволяют говорить о создании в их финале консолидированных демократий – они часто тормозятся или даже ведут к возрождению авторитарных порядков, подновленных псевдодемократической риторикой [Мельвил 1998: 6-7].

Иными словами, современная ступень развития демократических систем характеризуется целым рядом противоречий. Наиболее острой критике подвергается такой символ представительности, как парламентаризм. Все чаще идет речь о кризисе парламентаризма, усилении его нефункциональности. Критики современной представительной системы указывают, во-первых, что новые социальные движения с трудом вписываются в традиционное партийное представительство и требуют автономии; во-вторых, крупные экономические союзы играют большую роль, чем парламент, в решении важных экономических и социальных вопросов; в-третьих, все больше усиливаются авторитарные тенденции, ведущие к возрастанию численности групп, отторгнутых от представительства. Таким образом, в условиях глобализации демократия как способ политического управления обществом сталкивается с беспрецедентными вызовами, ставящими под вопрос некоторые весьма существенные ее характеристики. Например, в

некоторых странах риторика различных политических сил прямо указывает на то, что решение социальных проблем утверждается как более важное по сравнению с принципами соблюдения норм либеральной демократии. В таких случаях критический настрой по отношению к демократии достигает весьма высокого уровня, выводя на политическую повестку вопрос об усилении роли (и вместе с этим – социальной ответственности) государства.

Функциональные перемены и новые явления в политических отношениях во всех частях мира дали импульс глубокой переоценке демократии, и это заставляет всерьез задуматься о том, способны ли демократические институты адаптироваться к современному контексту. Серьезные вызовы, с которыми сегодня сталкивается демократия, скорее всего потребуют кардинальных изменений и в рамках отдельных стран, и в глобальном масштабе. Новизна и многообразие происходящих в мире процессов столь значительны, что исторически сложившиеся формы либеральной демократии нередко дают сбой даже в странах с давними демократическими традициями. Ведется интенсивный поиск адекватных новым реалиям форм: широко обсуждаются проекты демократии участия, демократии защиты, коммуникативной демократии. Используется даже понятие «нелиберальной демократии» (как некоего соединения демократических выборов с авторитарными практиками). Подобное соединение характерно для половины «демократизирующихся» стран мира, где народный суверенитет, реализующийся через свободные выборы, приводит к централизации власти (часто – внеконституционными средствами и с печальными последствиями). То, что возникает в итоге, почти не отличается от диктатуры, хотя и обладает большей легитимностью [Красин 2004: 110].

С точки зрения перспектив либеральной демократии ситуация в развивающихся странах действительно мало обнадеживает. Институты либеральной демократии во многих регионах либо рассматриваются как чуждые, заимствованные образцы, либо воспринимаются поверхностно, формально [Ступникова, Федотов 2005: 67]. Результатом часто является скорее имитация демократии, выливающаяся в фактическую маскировку авторитарных или олигархических режимов.

Среди причин, вызывающих отторжение демократии, С. Хантингтон выделяет диалектическую природу самой истории, т.е. «любое значительное движение в каком-то направлении теряет, в конце концов, свою энергию и порождает контртенденцию».

В свою очередь, применение теорий мировой экономики к анализу третьей волны демократизации позволяют А.Н. Никитченко сделать вывод о том, что для консолидации демократии в современных условиях важен не столько экономический рост, сколько его тип [Никитченко 1999: 44]. Тип экономического роста определяется не степенью государственного вмешательства, а развивающим характером этатистского вмешательства [Рюшенмайер, Эванс 2011], что может даже благоприятствовать консолидации демократии [О'Доннел 1994]. Именно консолидация демократии, а не ее дальнейшая экспансия – это тот правильный шаг демократизации в современных условиях, а точнее, в ситуации стагнации демократического развития, провоцируемой увеличением пропасти между электоральными и либеральными демократиями.

В построении общих моделей генезиса демократии одни авторы делают упор на структурные факторы (прежде всего, на государство и нациеобразующие, социально-экономические и культурно-ценностные условия и предпосылки демократии), а другие – на процедурные факторы [О'Доннел 1994]. По нашему мнению, между структурным и процедурным подходами нет непреодолимого противоречия. Более того, они взаимодополнимы, ибо фактически делают упор

на разные стороны одной группы явлений, которую мы определяем как демократические транзиты. Теоретически ничто не препятствует синтезу методологий, одна из которых обращает внимание на структурные факторы (даже с учетом сомнений в отношении их универсальности), а другая – на процедурные [Мельвиль 1998: 17].

Ведя разговор о принципиальной возможности теоретического синтеза структурного и процедурного подходов к развитию демократии, нельзя не обратить внимание и на попытки выработки более многомерных моделей, учитывающих последний опыт структурирования новой социально-политической реальности. Такого рода поиски идут сегодня в разных направлениях, например в рамках неинституционального анализа роли возникающих в ходе демократического транзита институтов. Другие авторы пытаются выявить, насколько характер и структуры старого режима воздействуют на динамику и результаты демократического транзита, в частности, каким образом авторитарные лидеры задают правила участия в обновленном политическом процессе, которые сказываются и на фазе распада режима; как тип уходящего режима и структуры старых элит влияют на возникновение, особенности действия оппозиции, на вероятность достижения пактов и др. [Мельвиль 1998: 18].

В завершение необходимо добавить, что важнейшим общим условием успеха демократизации является политическая стабильность, предполагающая реформирование общества в рамках закона при сохранении способности государственных институтов управлять страной.

Глобализация и переход к инновационному типу развития, глубокий качественный сдвиг в жизнедеятельности современного общества, в его структурах и механизмах функционирования однозначно указывают на необходимость масштабного прорыва в способах политического управления. Концептуальное переосмысление демократии стимулируют и международные процессы, не укладывающиеся в рамки существующих ныне унифицированных либеральных концепций. Ничто пока не подтверждает заключение о том, что рано или поздно все страны примут либеральные ценности в том виде, в каком они сформировались в западном мире.

Таким образом, мы можем отметить, что процесс демократизации общества имеет сложный диалектический характер, т.е. необходима постоянная балансировка между стабильностью и развитием, которая обуславливает чередование демократических тенденций, т.е. тенденций либерализации, раскрепощения политической, экономической и духовно-нравственной сфер с тенденциями укрепления влияния государственно-властных структур на развитие общества.

Современный этап развития демократии (в т.ч. зарубежной) имеет существенные недостатки (кризисы политической идентичности, парламентаризма, избирательной системы и т.д.) [Тюрин, Савинова 2015]. Это, в свою очередь, приводит к необходимости концентрации волевых и властных усилий в строго определенном направлении с целью разрешения сложившихся в обществе проблем и противоречий. Таким образом, этатизация является как инструментом регулирования, так и механизмом самосохранения общества, гарантом его дальнейшего развития, обеспечивающим стабильность политической системы и способствующим консолидации разрозненных общественных интересов и политических сил.

Список литературы

Карл Т.Л., Шмитт Ф. 2004. Демократия: концепты, постулаты, гипотезы (размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций. – *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 6-27.

Красин Ю.А. 2004. Российская демократия: коридор возможностей. — *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 110-135.

Мельвиль А.Ю. 1998. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам. — *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 6-28.

Меркулов П.А. 2015. *Политология*. Орел: Изд-во Орловского филиала РАНХиГС. 328 с.

Никитченко А.Н. 1999. Транснационализация демократии (II) (Третья волна демократизации в свете теорий мировой экономики). — *Полис. Политические исследования*. № 2.

О'Доннел Г. 1994. Делегативная демократия. — *Пределы власти*. № 3. С. 54-57.

Пугачев В.П. 1994. Дестабилизация России: причины и пути преодоления. — *Вестник Московского университета*. Сер. 12. Социально-политические исследования. № 4. С. 3-14.

Рюшенмайер Д., Эванс П. 2011. Государство и экономические преобразования: к анализу условий эффективного государственного вмешательства. — *Экономическая социология*. Т. 12. № 3. С. 54-85.

Ступникова М.Н., Федотов А.С. 2005. Либерально-консервативная концепция государства и Россия. — *Власть*. № 6. С. 65-73.

Тюрин Е.А., Савинова Е.Н. 2015. Национальный стиль развития политического процесса в современной Шотландии: к вопросу о шотландской идентичности. — *Власть*. № 4. С. 195-200.

Хантингтон С. 2003. *Третья волна. Демократизация в конце XX века* (пер. с англ.). М.: РОССПЭН. 368 с.

MERKULOV Pavel Aleksandrovich, Dr.Sci.(Hist.), Associate Professor; Head of the Chair of Political Science and Public Policy; Orel branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (5a Pobedy Blv, Orel, Russia, 302028; oo@orel.ranepa.ru)

DOROFYEV Arkadiy Valentinovich, postgraduate student of the Chair of Political Science and Public Policy; Orel branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (5a Pobedy Blv, Orel, Russia, 302028; poligmu@mail.ru)

DEMOCRATIC DEVELOPMENT OF SOCIETY: CONTRADICTIONS AND ETATIST TENDENCIES

Abstract. The article deals with democracy as a form of social development and a way of organizing society interaction with the state bodies in the sphere of management. The authors, making excursion into history, identify several stages of democratization and conclude the existence of the crisis of liberal democracy in today's world. Special attention is paid to methodological approaches to understanding modern democracy, asserting the need to develop synthetic methodology of scientific analysis of the problem under consideration. Especially the authors emphasize the objectivity of etatist tendencies in a democracy crisis. As a result, the key conclusion is the idea that etatization of social development is an important political tool for self-preservation of the society.

Keywords: democracy, etatism, state, society, social and political transformation, reform, political institutions, civil society
